

Ну разумеется! Настоящее имя всяко приятнее уху, чем дурацкое «Чэнь Дацзюнь». Однако радоваться похвалам не стоило: собеседник явно задал вопрос с подвохом. Нацепив на лицо маску искреннего недоумения, Цинь Чжэн невозмутимо парировал:

— И что же в нём хорошего?

Вэнь Тинъюнь слегка прищурился:

— «Натянешь струны туже — и чжэн запоет пронзительно и звонко. Белые пальцы коснутся деки, и музыка замрет под сводами, но кто разглядит за ней лик прекрасный, подобный нефриту?» Разве ты сам когда-то не говорил, что человек должен соответствовать своему имени? «В безмолвии ждать благозвучия».

Цинь Чжэн мысленно прижал ладонь к лбу. Ладно бы это было просто глупое бахвальство ветреной юности, но ведь донесли же до наших дней, да ещё и переиначили на свой лад! Неудивительно, что в поднебесной о нём ходит слава как о ненасытном блудодее. Сам виноват, язык без костей — глупо теперь винить уличных сказителей за то, что поливают его грязью на каждом углу.

— Должно быть, сморозил по глупости в юные годы, — как можно мягче произнёс он, выдавив неловкий смешок. — Только такой дурак, как он, мог ляпнуть подобное. Ха-ха-ха...

Смех вышел сухим и неестественным. Неловкость в воздухе можно было резать ножом.

Вэнь Тинъюнь лишь покачал головой:

— А по-моему, сказано чудесно. Потому-то я и запомнил его имя. Теперь уж вовек не забуду.

Цинь Чжэн украдкой покосился на собеседника. Тот во время разговора не сводил с него глаз — взгляд испытывающий, с каким-то странным, неуловимым подтекстом. Если этот человек его раскусил, то почему темнит и не признаётся? А если не догадывается, то к чему эти вечные разговоры о Цинь Чжэне?

Куда ни посмотри, кругом сплошные странности. Речи туманные, наряд диковинный, сабля на поясе так и притягивает взгляд своей чужеродностью, а уж глаза... Глаза особенно подозрительные.

Заметив, что пиала Цинь Чжэна давно опустела, а тот всё держит её в руках, не выпуская, Вэнь Тинъюнь поднялся, чтобы подлить чаю. Подол его широкого рукава скользнул по столу и задел его пиалу, столкнув её на край. Будь Цинь Чжэн прежним мастером боевых искусств, он перехватил бы падающую пиалу в мгновение ока, быстрее свиста клинка. Но теперь, лишившись сил, тот сохранил лишь остроту зрения — тело безбожно отставало. В отчаянной, неуклюжей попытке поймать пиалу он лишь взмахнул руками. Посудина с глухим стуком

ударилась о каменный пол и разлетелась на мелкие осколки.

Присев на корточки, Цинь Чжэн с тоской оглядел осколки. Для его нынешнего кошелька это была неподъёмная роскошь. Если трактирщик заставит платить, придётся худо.

"Жалко-то как... Наверняка кучу денег стоит"

Он потянулся к осколкам, но Вэнь Тинъюнь перехватил его руку, крепко сжав запястье.

— Пустяки, обычная плошка. Заплатим им, не стоит пачкать руки.

Оказавшись в чужом капкане, Цинь Чжэн почувствовал себя неловко:

— Сегодня ты угощаешь меня чаем, а тут ещё и пиала... Мне неловко. Давай... давай я сам за неё заплачу?

Вэнь Тинъюнь будто пропустил его слова мимо ушей. Нахмурившись, он медленно провел большим пальцем по запястью Цинь Чжэна, прощупывая пульс. От этого прикосновения по коже юноши пробежали колющие мурашки, и он поспешно вырвал руку.

Чтобы сгладить неловкость от этого странного жеста, Цинь Чжэн, заметив помрачневшее лицо собеседника, ляпнул первое, что пришло в голову:

— Что с тобой, брат Вэнь? Неужто смыслишь в медицине? Ты сейчас... пульс мне щупал?

Вэнь Тинъюнь долго молчал, а затем с предельно серьезным видом кивнул:

— Угу.

Сердце Цинь Чжэна ухнуло вниз. Ну конечно, этот человек хотел проверить, владеет ли он внутренними силами. В поднебесной судачат, будто его меридианы разорваны, а боевые искусства уничтожены под корень — любой мало-мальски обученный мастер поймёт это по первому же касанию.

— Ну и как? — осторожно спросил он.

Вэнь Тинъюнь ответил с непоколебимой уверенностью:

— Беременность.

Цинь Чжэн поперхнулся, но послушно подхватил нелепую игру:

— И на каком же мы месяце?

Вэнь Тинъюнь выглядел скорбным:

— Третий месяц пошёл. Увы, плод не спасти. Прими мои соболезнования.

Цинь Чжэн никак не мог взять в толк, к чему этот странный незнакомец разыгрывает перед ним сие шутовство, но подыграть безумно хотелось. Он сокрушённо вздохнул:

— Что ж поделать... Отец ребёнка оказался подлецом и бросил нас. Родился бы — только мучился. Видно, судьба у него такая.

Тут уж Вэнь Тинъюнь не выдержал и покатился со смеху. Он бережно приподнял Цинь Чжэна за плечи, помогая встать, и покровительственно похлопал по спине, точно старший родич.

— Давно я так славно ни с кем не пустословил! Рад видеть тебя в добром здравии, брат Цинь. Какое бы имя ты себе ни взял, а повадки всё те же. Тебя невозможно не узнать.

Цинь Чжэн застыл с натянутой улыбкой на лице. Внутри шевельнулась тревога. Чего добивается этот мечник, который на полголовы выше его и выглядит едва ли не моложе? Хотя он и прощупывал почву всю дорогу, злого умысла в его действиях не чувствовалось. Иначе Цинь Чжэн не стал бы испытывать судьбу и сидеть тут так долго.

— Его ищет вся поднебесная, с чего ты взял, что это я? — тихо проговорил Цинь Чжэн, разглядывая мыски своих заношенных сапог. — Какой бы дурной славой ни пользовался Цинь Чжэн, он не мог опуститься до такой нищеты. Посмотри на меня: оборванец без гроша за душой, у которого даже угла своего нет. Притащился в это захолустье ради глотка дешёвого вина, да и то местный зазывала чуть шею не намылил, если бы не твоя милость.

Собственные слова показались ему настолько жалкими, что силы окончательно покинули его. Он мягко высвободил руку из хватки Вэнь Тинъюня и направился к выходу.

— Я Чэнь Дацзюнь, обычный бродяга. Ты обозначся, приятель. Спасибо за чай, давно не пил ничего столь изысканного. Пути наши сошлись на миг, пора и честь знать. Прощай.

Стоило ему переступить порог, как за спиной раздался насмешливый голос Вэнь Тинъюня:

— Помнится, ты обещал взять разбитую пиалу на себя... Если ты уйдёшь, с кого мне трясти долг?

Цинь Чжэн пошарил по карманам. Пусто. Платить было решительно нечем.

"Сам дурак. Нищий, а гонору-то сколько"

Делать было нечего, пришлось напустить на себя глухой вид и поспешно спуститься по лестнице.

Лишь оказавшись на пыльной улице перед чайной «Сказки, Потрясающие Стол», Цинь Чжэн спохватился, что оставил свою флягу у того странного господина — тот ведь забрал её якобы для того, чтобы наполнить вином. Без фляги его убогая жизнь теряла всякий смысл. Пришлось переступить через гордость и повернуть назад.

У самого входа он натолкнулся на безмолвного здоровяка, который до этого тенью стоял за спиной Вэнь Тинъюня. Оказалось, тот тоже искал его. Заметив Цинь Чжэна, громила расплылся в улыбке и протянул флягу:

— Брат Дацзюнь! Вот ваша фляга. Хозяин велел вернуть её вам в целости и сохранности. Держите крепче!

Цинь Чжэн прижал флягу к груди как величайшее сокровище и без умолку запричитал:

— Спасибо... Огромное спасибо!

Он уже собирался дать стрекача, но тут в груди болезненно сжало, дыхание перехватило, а перед глазами поплыли мутные круги. Пальцы мелко задрожали. С трудом откупорив флягу онемевшими руками, он жадно припал к горлышку.

За последние три месяца хмельной дурман въелся в кровь, лишив вкуса любое пойло. Но сегодняшнее вино...

Он просил уличного торговца налить простого местного вина «Вэньцзюнь», но стоило первому глотку обжечь горло, как рот наполнился благородным, ни с чем не сравнимым ароматом. Это была «Чистая жидкость девяти эликсиров». Вино во фляге не просто заменили — туда налили то, чего в этом глухом приграничном городишке отродясь быть не могло. «Чистая жидкость девяти эликсиров» — редчайший нектар, недоступный простым смертным. И, что самое удивительное, именно это вино Цинь Чжэн любил больше всего на свете. Неужели Вэнь Тинъюнь специально вёз драгоценный кувшин из самого Срединного государства ради него?

Боясь обмануться в догадках, Цинь Чжэн решил расспросить здоровяка:

— Послушай, любезный, это твой хозяин велел наполнить мою флягу?

Громила, заметив, что парень едва держится на ногах, а он стал бледным как полотно, встревоженно спросил:

— Да, хозяйский приказ. Брат Дацзюнь, тебе нездоровится? Вроде только вышел бодрым, а теперь на тебе лица нет, и пот градом катит.

— Да так, с детства хвораю, — уклончиво ответил Цинь Чжэн, не желая вдаваться в подробности. — Стоит немного пройтись — и силы на исходе. Пустяки. А вино это...

Здоровяк ухмыльнулся, польщённый его реакцией:

— О, это «Чистая жидкость девяти эликсиров», одно из лучших вин в Срединных равнинах! Наш господин нарочно вёз его сюда для тебя. Ну как, по вкусу пришлось?

Цинь Чжэн натянуто улыбнулся:

— Ещё бы! Чудесное вино, просто превосходное. Передай своему хозяину мою глубокую благодарность за столь царский подарок. Знаю, какова ему цена... Что ж, мне пора.

— Да чего уж там, хозяин ведь говорил, что приберёт его специально для тебя, — добродушно прогудел великан. — Пей на здоровье, закончится — приходи ещё, у нас его завались. К слову, наш господин ведь и лечить умеет. Раз тебе худо, может, вернёшься? Пусть он посмотрит твой пульс... Эй! Брат Дацзюнь, ты куда побежал-то?!

Услышав про повторный осмотр пульса, Цинь Чжэн припустил со всех ног, прижимая к груди драгоценную флягу.

Великан лишь почесал затылок, провожая взглядом улепетывающего бледного юношу. Вскоре из дверей чайной неторопливо вышел Вэнь Тинъюнь. Слуга почтительно склонился перед ним и доложил:

— Хозяин, вино передал. Брат Дацзюнь сделал глоток и сразу понял, что напиток подменили. Очень хвалил, просил передать вам спасибо за столь изысканное угощение.

Вэнь Тинъюнь замер на пороге, укрывшись в тени навеса. Прищурившись, он долго смотрел вслед удаляющейся фигуре Цинь Чжэна, пока тот не скрылся из виду в дорожной пыли.

— Понравилось — и славно, — тихо обронил он.

— Ещё бы не понравилось! — подхватил слуга. — Такое редкое вино... Вы ведь велели везти его через полстраны специально для него. Весь наш караван только эти кувшины и берёт, как зеницу ока. Сразу видно, гость для вас непростой.

Вэнь Тинъюнь бросил на слугу прохладный взгляд:

— Лишнего ему не сболтнул?

— Никак нет! — поспешно заверил тот. — Сказал лишь, что вино от вас и везли его для него. Больше ни слова. Вот только... когда брат Дацзюнь за флягой вернулся, на него страшно смотреть было. Бледный как мертвец, исходил липким потом, дышал с трудом. Глотнул вина — и вроде отпустило. Может... у него это, белая горячка? С похмелья мается?

Проверяя пульс Цинь Чжэна, Вэнь Тинъюнь преследовал вполне конкретную цель. И то, что он нащупал, подтверждало худшие слухи: меридианы разрушены, внутренняя сила испарилась без следа. Однако крепость тела, закалённого годами изнурительных тренировок, не могла исчезнуть за одну ночь, даже если человек лишился боевых искусств. Здесь крылось нечто иное.

Вэнь Тинъюнь задумчиво нахмурился:

— Я прощупал его пульс... С ним творится что-то неладное. Пульс нитевидный, прерывистый, бьётся вразнобой. Слово безумный ритм. Надеюсь, я ошибся...

— Твоему искусству врачевания завидуют многие, ведь тебя учил сам старейшина Су Дань, — угодливо заметил слуга. — Ошибки быть не может. Так что с ним? Ранен или болен?

— Ни следов ранений, ни признаков хвори, — покачал головой Вэнь Тинъюнь. — Но это пульс обречённого. Ему осталось недолго.

Здоровяк опешил, округлив глаза от ужаса:

— Пульс покойника?! Брат Дацзюнь выглядит вполне бодро, неужто он на пороге могилы?!

Вэнь Тинъюнь тяжело вздохнул:

— Очень хочу верить, что мои пальцы меня подвели. Немедленно отправь людей за Су Данем. Пусть мчится сюда во весь опор, без промедлений. Если опоздает — живым из этой долины никто не выйдет.

Слуга мгновенно подобрался, коротко кивнул и бросился исполнять поручение.